

Виктор Кукушкин

**Сказка о настоящем советском
человеке, которого пригласили
на работу в американскую
разведку, и что из этого вышло**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
К89

Кукушкин В. Ю.

Сказка о настоящем советском человеке, которого пригласили на работу в американскую разведку, и что из этого вышло / Кукушкин В. Ю. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 39 с.

ISBN 978-5-532-93141-1

Сборник юмористических работ автора. Сказка о настоящем советском человеке, которого пригласили на работу в американскую разведку и что из этого вышло. Басня "Голова и желудок". Ироническая и философская поэзия.

Содержание

Сказка о настоящем советском человеке, которого пригласили на работу в американскую разведку, и что из этого вышло	4
Басня. Голова и желудок	14
Ироническая поэзия	15
«Я словно Тихий океан...»	16
«Простите мне мою бестактность...»	17
«Почему ростральные колонны...»	18
«На лугах и на зеленом поле...»	19
«Мне непонятный мир...»	20
«Я, братцы, с музою дружу...»	21
Миги	22
«Пропалывала грядку...»	25
«Пусть этот мир слагается из красок...»	26
«Ходить перед пропастью...»	27
«Когда идет дождь...»	28
«Паутинка на окне развивалась словно флаг...»	29
«Вижу шрамик на своей руке...»	30
«Огромный мир...»	31
«Прощай тот город, где меня венчали»	32
«Где-то поблизости лают собаки...»	33
«Город спит, большой и теплый...»	34
«Мрачнели в небе зеркала...»	35
«Когда, быть может, я умру...»	36
«Стучат устало поезда...»	37
«Твоя душа уйдет под небеса...»	38
«В один ноябрьский день...»	39

Сказка о настоящем советском человеке, которого пригласили на работу в американскую разведку, и что из этого вышло

Семён Семёныч Голотяпов работал в самом престижном заведении Советского Союза. На работу Семён Семёныч ходил по одним и тем же дорогам, в одно и то же время, встречал одних и тех же людей и, можно сказать, успел даже слиться с этими людьми, – и вовсе не потому, что вёл с ними оживленные беседы или ещё что, а потому что очень много мечтал, часто ставил себя на место этих людей и глазами этих людей смотрел на мир и на себя. И рассказывал им во время этих перевоплощений о себе и о достижениях социалистического строительства, и во время этих рассказов не замечал, как проходило время, которое, к слову сказать, проходило тогда тоже только на работу.

Возможно, оно проходило в тот момент, когда Семён Семёныч в одном и том же месте встречал копошащихся в песочке детишек. А детишек Семён Семёныч любил больше всего! Всегда подходил к ним – кому слово доброе скажет, кого по головке погладит, кому гостинчик сунет, – за что особенно люб был у стоящих поодаль родителей.

Кажется, что ещё можно пожелать этому человеку? Так и остался бы он в памяти благодарных потомков на век, может, даже на два, не случись с ним истории, круто перевернувшей его жизнь, и жизнь всех последующих поколений.

А в стране, между тем, уже назревал голод. Семён Семёныч уже и сам начинал голодать, правда, он тогда ещё об этом не знал. Не знали об этом и другие люди. Потому что жили они тогда единой семьёй, и был у этой семьи единый отец, – он тоже любил подарки детишкам дарить. И поэтому, когда Семён Семёнычу уже нечего было дарить, он поднимал свои взоры к этому отцу (а тому, как впоследствии

выяснилось, только того и нужно было) и радовался вместе с ним, и сопереживал, и представлял, что это он подарки дарит. И другие тоже радовались, тоже сопереживали и тоже представляли. Вот оно какое тогда было счастье!

И поэтому американская разведка тогда работала плохо. Она, можно сказать, вообще не работала. Цепи агентуры в советской стране у неё в то время ещё не было. Да и откуда ей было взяться, если с самого детства, с молоком, можно сказать, матери, каждому мальчишу прививались такие чувства!.. что американская разведка не могла хорошо работать.

Часы на кухне пробили «шесть», забеспокоились и «половину седьмого» пробили раньше. Наконец, Семён Семёныч вернулся домой. Но вернувшись, не отправился как есть на кухню, а прилег на диван. И произошло это не потому, что на кухне уже ничего не было, или еще что, так просто, от тоски, оттого что детишки возле дома все глаза проглядели, дожидаясь его с работы, а он задворками, чтоб никто не видел, пробрался до своего подъезда.

Устремив взгляд в потолок, бледный как потолок, Семён Семёныч лежал на диване. И в тот момент, когда к нему уже стали приходить различные мысли, раздался шорох на балконе. А жил Семён Семёныч тогда на шестом этаже.

Наш герой не сразу сообразил, что что-то происходит, когда сообразил, резко подскочил, обвёл взглядом комнату и точно так же, как крался к дому, подкрался к окну. Тихо подкрасться не удалось.

На скрип половиц так реагировали мышцы лица, что непосвященному могло показаться, что это и скрипят мышцы лица.

На балконе босиком, в оборванной шинели, прижимая к груди пакет с пряниками и конфетами, стоял незнакомец. Стыдно стало Семён Семёнычу и вовсе не потому, что незнакомец мог увидеть, как он крадётся к окну, совершая такую гимнастику на своём лице, или ещё что, а потому, что подумал, что человек на балконе мог даже мысль допустить, что ему не доверяют, коль так странно выглядят из-за занавески, или, хуже того, подозревают в столь необычном появлении дурные намерения. А поскольку достоинство дру-

того человека Семён Семёныч ценил превыше своего, он сразу же распахнул дверь и впустил незнакомца в дом. Наш герой не верил в то время в бога, поэтому он тут же смекнул, это советская система достигла таких высот, что к ней подобным образом стали являться различные незнакомцы с пряниками и конфетами.

Маятник часов на кухне качался из стороны в сторону, то в сторону одного, то другого. Семён Семёнович, усадив гостя за стол, засуетился, пытаясь согреть кипятком. И тут гость совершенно неожиданно заговорил.

– Что ж ты теперь, Семен Семеныч, делать-то будешь? – произнес он.

Позже стали утверждать, что у пришельца, мол, был акцент, и тут, мол, нужно было сразу насторожиться и проявить бдительность. Но, скажем честно, никакого акцента не было.

– На работу тебе путь закрыт, – продолжил гость. – Не будешь же вечно по задворкам лазить? Ситуация в стране неопределенная. Ты ничего не умеешь, кроме работы в своем учреждении. Неужто будешь с голоду помирать?

– И в самом деле – ничего не умею, – согласился Семён Семёныч. – Но ведь живут же как-то в нашей стране люди? Значит страна такая, значит, достигла она уже таких высот совершенства, что в ней даже человек, который ничего не умеет, и тот не помрёт с голоду!

Семён Семёныч встал в центре кухни. Ему стало казаться, что он опять на трибуне, в крайнем случае, по дороге на работу, что на него опять смотрит вся страна, весь советский народ, но вспомнил о детишках, сел, посмотрел на пакет с пряниками и конфетами, вздохнул:

– Давайте только ничего не будем есть, а отдадим всё это детям.

Теперь настала очередь подняться посреди кухни гостю. Достав в полной решимости из-под шинели бумагу и ручку, незнакомец сказал:

– Пишите заявление!

Куда писать заявление, такие вещи Семён Семёнычу не надо было объяснять, такие вещи Семен Семеныч понимал с полуслова, потому что был настоящим советским человеком.

– Жалованье вам хорошее положим! – сообщил незнакомец. – Опять-таки сыты будете. Детишкам подарки снова сможете дарить.

При словах о детишках Семён Семёнович потянулся к собеседнику и с напряжением произнес:

– А не могли бы вы и детишкам жалованье положить!

– И детишкам положим, и их родителям, но не всем сразу. Пишите заявление!..

Мораль... то есть интермедия

Тут в полемику с автором вступает Мораль – женщина средних лет, что называется «при всём», но это «всё» скрыто под одеждами, которые к нашему времени изрядно износились.

«Ни одно произведение о настоящем советском человеке не должно оставаться без морали», – говорит Мораль.

«И ни одна сказка без присказки», – добавляет автор.

«Будьте бдительны к новым чувствам и эмоциям, – сообщает Мораль. – Ибо неизвестно, откуда и с какой целью они приходят. Станьте хозяином своей души. Если вы им не станете, обязательно превратите свою душу в коммуналку... что, в общем-то, тоже... с учетом запросов времени, не так уж и плохо... Я всё сказала!»

«И я там был, мед-пиво пил (с пряниками и конфетами), по усам текло, но в рот не попало», – подумал автор.

И зажил Семён Семёныч с тех пор, как кот в масле. Бананы, ананасы ему из-за границы присылали стали. Детишки за ним опять косяками начали ходить. Но чем больше вот так вот жил Семён Семёныч, тем больше недоумевал – чем же за всё это он расплачиваться-то будет? А им, как впоследствии оказалось, никакой платы и не требовалось. Они и так были рады радешеньки, что полу-

чили-таки заявление, первое настоящее заявление от настоящего советского человека в американскую разведку.

Но Семён Семёныч-то ничего об этом не знал. Поэтому поселилась с тех самых пор в душе его раздвоенность, и никак он от этой раздвоенности не мог избавиться.

И вот, наконец, уже почти отчаявшись – сколько таланту было в этом человеке, и как грандиозен был его талант, теперь уже не побоюсь этого сказать, – Семён Семёныч, чтобы преодолеть раздвоенность в своей душе, решил преодолеть раздвоенность во всём мире, и после этого, значит, успокоиться, решил примирить две непримиримые державы. Ну, а как решил, так, выходит, и сделал.

Сидят они как-то с Джоном по кличке «незнакомец» на той же самой кухоньке (Джон как раз зарплату и подарки от известных американских фирм привез), выпивают, и вдруг Семён Семёныч говорит:

– А хочешь, Джон, я тебя с товарищем Сталиным познакомлю?

– Хочу! – говорит Джон.

– Запросто! Пошли, – говорит, – в Кремль!

– Пошли! – соглашается Джон.

И пошли они в Кремль. И шли они долго. И помогали друг другу преодолевать различные трудности. И когда у Семёна Семёныча кончались силы переставлять ноги, ноги ему переставлял Джон. И подошли они, наконец, к краю широкого поля и пошли через это поле к Кремлю. А возле Кремля часовой, как оловянный солдатик шаг печатает, и винтовкой делает то взад, то вперёд.

И принялся тут Семён Семёныч объяснять часовому. Я, говорит, лучший друг товарища Сталина, а это, говорит, мой американский друг, – Джон тут для пущей убедительности сплясал часовому американский народный танец, – он, говорит Семён Семёныч, работает в американской разведке, он мне зарплату привез. А ты – тут Семён Семёныч ткнул пальцем в часового – ты, говорит, тыфу, букашка. Ты, говорит, знаешь, что такое разведка? Ты, говорит, не знаешь, что такое разведка. Разведка, говорит, это передовой гонец человечества, это пчела, собирающая нектар. О многом ещё говорил Семён Семё-

ныч. Так разошелся, остановить его было невозможно. Часовой в это время испуганно косил то в его сторону, то в сторону Джона, который, к слову сказать, продолжал танцевать американский народный танец. А Семён Семёныч уже так расхрабрился, что пытался сбить фуражку с головы часового, но почему-то все время мазал и, теряя равновесие, падал.

– Дурак! – произнес товарищ Сталин, наблюдая за Семен Семенычем с Кремлевской стены в подзорную трубу. – Спивается. Скоро совсем станет алкоголиком, – подытожил товарищ Сталин и, сокрушенно покачав головой, пошел спать.

Проснулся Семён Семеныч возле Кремлевской стены. Ярко светило солнце. На лужайке паслись коровы. Невдалеке ползал Джон. Семен Семеныч попытался поднять голову, но не смог. И такое тут у него сделалось выражение лица, что когда это выражение увидел Джон, сразу же попытался успокоить:

– Ты, Семён Семёныч не переживай. У нас в Америке тоже пьют. Недавно попытались ввести «сухой закон», так после этого пить стали ещё больше. Не переживай ты так! Ничего страшного не случилось.

– Точно, не случилось? – осторожно поинтересовался Семён Семёныч.

– Точно, тебе говорю!

– А чего ж голова так болит?

– Значит, осталось ещё в ней что-то, чудак-человек!.. Давай, вставай... Сейчас поймем такси, отвезем тебя домой. У тебя рубли есть?

Когда они садились в такси, часовой, маршировавший возле Кремля, вытянулся по стойке «смирно» и так простоял, провожая их взглядом, пока машина не скрылась из виду.

Прошел месяц. Может, два. Джон уехал в Америку. Семён Семёныч тоже решил делом заняться. И в это самое время явился к нему гость. Этот, как полагается, по земле пришёл, поднялся по бетонным ступеням темного подъезда и в дверь позвонил. И не было в руках его ни пряников, ни конфет. Правда, держал он почему-то пустой

чайник. Может быть, чтобы все подумали, что пришёл он к Семён Семёнычу за кипятком. И посмотрел он как-то недоверчиво. И от чая отказался. Но банан взял.

А когда пришла пора уходить, вручил он Семён Семёнычу приглашение на спектакль в Кремль, подписанное самим товарищем Сталиным.

Давали «Оптимистическую трагедию». Для пушей убедительности в винтовки были вставлены настоящие патроны. И умирали люди тоже по-настоящему. Такой достоверной игры никогда ещё в мире не было! И эта достоверность заражала зал каким-то особенным, магическим трепетом. Но товарищ Сталин встал и сказал: «Не верю». И тогда на сцену выкатили пулемет и расстреляли всех оставшихся актеров без разбору.

Когда занавес опустился, товарищ Сталин с удовлетворением произнес: «Весь мир, товарищи, театр и все люди в нем актеры», – и торжественно, с некоторым прищуром, обвел взглядом присутствующих. И сорвал отчаянные аплодисменты.

И тут товарищ Сталин увидел Семён Семёныча. И достал из кармана пистолет и выстрелил. Пуля размером с артиллерийский снаряд просвистела над рядами и попала Семен Семенычу прямо в грудь. Когда дым рассеялся, Семён Семёныч уже бегал по проходам с этой пулей и радостно кричал: «Это в меня товарищ Сталин стрелял. Это в меня сам товарищ Сталин стрелял» – и с гордостью показывал всем свою сквозную рану.

Проснулся Семён Семёныч в холодном поту. И сообразил, что опаздывает на спектакль в Кремль.

Когда пробежал мимо ворот Кремля, часовой, завидя его, встал по стойке «смирно» и почему-то даже подмигнул одним глазом.

Дверь в Колонный зал уже была закрыта, и Семён Семёныч заглянул в замочную скважину. И сразу же увидел Иосифа Виссарионовича. Тот сидел в центре зала, окруженный детишками. На сцене тоже были дети. Давали «Лебединое озеро».